
ОБРАЗ МИРОВОГО ДЕРЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

И.А. Герасименко¹, Ю.Л. Дмитриева²

¹ Кафедра русской, украинской филологии и методик преподавания
Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОА ВО «Крымский федеральный университет»
ул. Севастопольская, 2а, Ялта, АР Крым, Россия, 298635

² Кафедра общего языкознания и славянских языков
Горловский институт иностранных языков
ул. Рудакова, 25, Горловка, ДНР, 84626

В статье рассматривается лингвокогнитивный образ мирового дерева, исследуются зафиксированные языковым сознанием средства его вербализации, анализируются полученные в процессе взаимодействия с онтологическим миром его культурологические составляющие.

Ключевые слова: образ, понятие, лингвокультура, мировое дерево, инвариант, когнитивные признаки

Понятие мирового дерева неоднократно являлось объектом исследовательского интереса ученых разных областей гуманитарного знания. А.Н. Афанасьев, М.А. Можейко, В.В. Напольских, С.А. Сиднева, Н.И. Толстой, Н.В. Топоров и др. рассматривали его как единицу культурного вегетативного кода, закрепленную в фольклорных текстах. М. Элиаде изучал символизм мирового дерева сквозь призму религиозных концепций и идей шаманизма. О.С. Карнаухова презентовала культурологическое описание мирового дерева. Учеными интерпретировались денотаты мирового дерева («множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения)» [13. С. 128]) и в которые могут быть включены «дуб», «яблоня», «ель», «ясень» и др. Мировое дерево рассматривалось и как один из центральных форматоров картины мира славян (см. работы Г.С. Беляковой). Однако существующие теоретические сведения и исследования не дают исчерпывающей информации о зафиксированных в русской лингвокультуре вербальных средствах актуализации лингвокогнитивного образа мирового дерева, что и обусловило *цель* данной статьи.

Человек постоянно взаимодействует с окружающей средой, приобретая знания, умения и навыки, опыт деятельности и поведения. Однако «то, что мы называем “непосредственным физическим опытом”, никогда не определяется только формой тела; правильнее сказать, что любой опыт имеет место в рамках широкой базы культурных установлений» [12. С. 94]. Таким образом, мы получаем знания не только благодаря перцептивному взаимодействию с онтологическим миром, но и через национальную культуру, зафиксированную в системе знаков, основной из которых выступает язык. Информация о среде и человеке, объективированная языковыми средствами, по определению Н.Н. Гончаровой, и есть языковая картина мира. Н.Ф. Алефиренко определяет ее как некий конструктор,

который «несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности» [1. С. 5]. В нашем случае это воплощенное на вербальном уровне представление о мировом дереве. Мы определяем рассматриваемое понятие как универсальный лингвокультурный феномен, обладающий этноспецифическими признаками. Оно воплощает «универсальную концепцию мира» [16. С. 398], глобальный образ мира, сведенный к конкретному постигаемому объекту.

«Редукция мира при создании глобального образа мира в специализированных отраслях духовного производства (наука, искусство и т.д.) проходит по двум параметрам — “экстенсивности” (отображение мира или его части) и “интенсивности” (отображение через определенную смысловую “сетку координат”, имеющую всегда ограниченный характер)» [17. С. 37]. Такой «сеткой координат» может выступать морфология дерева. Н. В. Топоров подчеркивает, что «с верхней частью Древа мирового (ветви) связываются птицы... со средней частью (ствол) — копытные... изредка пчелы, в более поздних традициях и человек; с нижней частью (корни) — змеи, лягушки, мыши, бобры, выдры, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища хтонического типа» [16. С. 400]. Показательно, что русская поэзия отображает данные представления о мировом дереве, соотносит его с верхней зоной вселенной и связывает с образом мифической птицы сирин. Ср.:

Невеста, я дерево твое,/В тени моей песни — олени;/Лишь браком святиться жилье./Где *сиринный* пух по колени (Н. Клюев); Ель Покоя жилье осеняет,/А в ветвях ее *Сирин* гнездится (Н. Клюев); В хлебном Спасовом раю,/Запоет на ели *Сирин* (Н. Клюев); Я — дерево, а сердце — дупло,/Где *сирин-птицы* зимовье (Н. Клюев).

Согласно данным Словаря славянской мифологии сирин — одна из разновидностей райских птиц, обитающих в Ирии. «От головы до пояса Сирин — женщина несравненной красоты, от пояса же — птица. Спускаясь из рая на землю, она зачаровывает людей пением, которое разгоняет тоску и печаль» [21. С. 531]. Отметим, что Б.А. Рыбаков при рассмотрении религиозных воззрений древних славян указывал на некую связь между представлениями о девушках-птицах и архаичными божествами — берегинями: «У нас нет данных о внешнем облике берегинь... Позднейшие сирены с птичьим обликом, вероятно, являются уже видоизменением первоначальных представлений; об этом говорят и двойственность образа, что являлось попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихией воздуха, а с другой — родство с самим человеком» [18. С. 18]. Итак, использование лексемы *сирин* в языке русской поэзии иллюстрирует связь мирового дерева и с верхней зоной вселенной, и с миром человека.

Г.С. Белякова отмечает, что в соответствии со строением дерева у древних людей сформировались не только основные космические зоны: небо — земля — преисподняя, но также основные троичные единства: прошлое — настоящее — будущее, предки — современники — потомки, голова — туловище — ноги, огонь — вода — земля и т.п. [3. С. 160]. Эти представления находят отражение в русской поэзии:

Три огненных дуба на пупе земном/От них мы три желудка-солнца возьмем:/Лазоревым — облачный хворост спалим,/Павлиньим — грядущего даль озарим,/А красное

солнце миллионами рук/Подыдем над Миром печали и мук (Н. Клюев); Из пупа все-ленной *три дуба* растут:/Премудрость, Любовь и волхвующий Труд... (Н. Клюев).

Данные примеры иллюстрируют общепринятое положение о том, что «восприятие человеком действительности (“внешнего мира”) не сводится к простому, зеркальному отражению» [14. С. 68], а преломляется сквозь призму образов и представлений.

Н.И. Толстой при рассмотрении дерева жизни ссылается на апокриф, в котором сказано, что пророк Моисей посадил чудесное дерево, которое сплел из ели, кедра и кипариса. Считается, что это символ Троицы. В приведенных примерах денотат «дуб» может квалифицироваться как входящий в денотат «мировое дерево» на основании метафорических когнитивных признаков, которые создают «сложный» образ, или «ландшафт» (как именует Б.М. Гаспаров данную совокупность языковых образов, создающих целостный сложный сюжетный образ). Для метафорического признака расположения мирового дерева — *из пупа вселенной/на пупе земном* областью источника является тело человека с его анатомическим центром, а областью цели — мировая ось. Исследователи подчеркивают, что мировое дерево, как правило, располагалось в центре земли, преимущественно на острове. Ср.: «В заговорах Мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана (“пуповине морской”)...» [20. С. 253]; «В русском заговоре “*На море, на окояне, на острове Буяне стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями*” видна четкая структура троичности...» [3. С. 160]; «Там (в мифическом саду Ирие. — Ю.Д.) растет мировое дерево (наши предки полагали, что это береза или дуб, а иногда дерево так и называется — Ирий, Вырий), у вершины которого обитали птицедевы и души умерших» [7. С. 93]; «На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу» [21. С. 266].

Необходимо отметить, что в языковой картине мира в первую очередь фиксируются условия жизни людей, окружающая среда «на расстоянии вытянутой руки», в непосредственной близости. Это обуславливает определенный взгляд на мир, опосредованный «языком и индивидуально-авторским видением действительности» [5. С. 30]. Б.А. Серебренников отмечает, что «головной мозг превращает поступающую извне информацию в образ. Образ вещи — не сама вещь, а ее отражение. Он не совпадает непосредственно с самим предметом. Обобщение, абстрагирование от бесконечного числа свойств вещи и фиксирование только ее наиболее устойчивых и постоянных черт превращает образ в некий идеальный объект, инвариант класса предметов» [19. С. 71]. Таким объектом является мировое дерево, которое (по Н.В. Топорову) может именоваться как *дерево жизни, дерево плодородия, дерево центра, дерево восхождения, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое дерево, дерево познания* и т.п. Ср. вербализацию этих представлений в языке русской поэзии:

Под *облачным дровом*/Верхом на луне/Февральской метелью/Ревешь ты во мне (С. Есенин); С *древа жизни* сиринов спугнуть/И под вихрем крыл сложить былину (Н. Клюев); Щаный сад весь в гнездах дум грачиных/*Древо зла* лишь призрачно голо (Н. Клюев); Завтра дед расскажет мудрый сон/Про Светлый град, про *Огненное древо* (Н. Клюев).

В разных культурах понятие мирового дерева соотносится с разными денотатами, или инвариантами. В частности, А.Н. Афанасьев замечает, что для ариев мировым деревом является фиговое дерево: «Ветви его идут вниз, а корни вверх; на нем покоятся все миры, из него построили боги и небо, и землю; с листьев дерева капает амрита, а под ним растут целебные травы» [2. С. 626]. В зендской мифологии мировым деревом служит «орлиное дерево», которое считается первоисточником всех целебных трав и растений на земле; в скандинавской мифологии «Это дерево — ясень (*askr*); ветви его тянутся через всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; три корня его идут: один в небесное царство асов, другой в преисподнюю ада, а третий в страну великанов туч и туманов» [2. С. 627]. У греков воплощением мирового дерева также является ясень, от которого, по древнегреческой мифологии, произошли люди. Как пишет А.Н. Афанасьев, в «Георгиках» Вергилия упоминается о ясене, «который достигает корнями Тартара, и настолько глубоко идут его корни в землю, настолько же в высоту простираются ветви среди простанного неба» [2. С. 629]. В.А. Маслова указывает, что «предание о мировом дереве, которое корнями обнимает землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу» [15. С. 146]. Эта информация дополняется и конкретизируется в Словаре славянской мифологии: «На Латынь-горе Сварог разбил Ирийский сад, в котором посадил росток, выросший в священный вяз, связующий своими корнями весь мир и поднявший ветви к самому небу. На восточных ветках вяза свила гнездо птица Алконост, на западных — птица Сирий. На горе Хванруге вырос кипарис — дерево смерти, на горе Березани — береза, дерево поэзии. В Ирийском саду Сварог посадил вишневое дерево, посвященное Вышнему (богу неба в русской мифологии. — прим. авторов). Рядом с вишневым деревом вырос “солнечный дуб”, который рос корнями вверх и ветвями вниз. В Ирии выросла яблоня с золотыми яблочками...» [21. С. 266]. Ср.:

Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,/Мята слов, древозвук, купина красоты/Там, под *Дубом* Покоя накрыты столы (Н. Клюев); Мы слетелись птицы умные/На совет, на думу крепкую./Со того ли саду райского —/С *кипариса* — Божья дерева (Н. Клюев); *Золотые деревья*/Свесят гроздьями созвучья,/Алконостами слова/Порассядутся на сучья (Н. Клюев).

Необходимо отметить, что все приведенные описания мирового дерева как модели мироустройства основываются на «смысловой сетке координат» — мифологии дерева.

Таким образом, понятие «мировое дерево» конкретизируется и получает отображение, соответствующее тем или иным культурным представлениям. Так, из приведенных описаний рассматриваемого феномена вычлениваются когнитивные признаки, которые, в свою очередь, позволяют смоделировать визуальный образ мирового дерева: оно довольно высокое, всегда произрастает рядом с водным источником, имеет обширную разветвленную крону и крепкую корневую систему. Приведенный образ конкретизируется в русской лингвокультуре признаками конкретной разновидности дерева, например, дуба, березы, яблони и т.п., которые выступают дополнительными свидетельствами о среде и условиях проживания людей.

Образный компонент понятия «мировое дерево», вербализованного в русской лингвокультуре сочетаниями *дерево жизни, дерево плодородия, дерево центра, дерево восхождения, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое дерево, дерево познания*, включает образные и зрительные когнитивные признаки формы и расположения в пространстве. Данные характеристики позволяют рассматривать мировое дерево как модель мира, как конструкт, разделенный на зоны. При этом актуальным остается детальное описание лексических средств актуализации понятия «мировое дерево» на материале текстов русской поэзии, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 4. Т. 14.
- [2] *Афанасьев А.Н.* Славянская мифология. М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2008.
- [3] *Белякова Г.С.* Славянская мифология: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1995.
- [4] *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996.
- [5] *Герасименко И.А.* Средства вербализации цветовой картины мира (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки методика преподавания». 2015. № 2. С. 30—36.
- [6] *Гончарова Н.Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2.
- [7] *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Русские легенды и предания / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. М.: Эксмо, 2004.
- [8] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). М.: Наука, 1997.
- [9] *Клюев Н.А.* Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова. Б.М.: А. Neimanis, 1969. 212 с. URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
- [10] *Клюев Н.А.* Сочинения. В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова. Б.М.: А. Neimanis, 1969. 479 с. URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
- [11] *Колесов В.В.* Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012.
- [12] *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- [13] *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
- [14] *Манаенко Г.Н.* Событие — факт — оценка // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 12. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.
- [15] *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004.
- [16] *Мифы народов мира: энциклопедия.* В 2 т.; Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1992.
- [17] *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988.
- [18] *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
- [19] *Серебренников Б.А.* Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988.

- [20] Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 1995. 689 с.
- [21] Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В.В. Адамчик. Минск: Современный литератор, 2008.

THE IMAGE OF THE WORLD TREE IN THE ASPECT OF RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

I.A. Gerasimenko¹, J.L. Dmutrieva²

¹ Humanitarian-Pedagogical Academy FGAOA VO “Federal University of Crimea”
Sevastopolska str., 2a, Yalta, Autonomous Republic of Crimea, Russia, 298635

² Gorlovskij Institute of Foreign Languages
Rudakova str., 25, Gorlovka, DPR, 84626

The article studies the imaginative component of the concept ‘WORLD TREE’ in Russian linguistic picture of the world. The aim of this research is to describe image as one of the main parts of the linguistic picture of the world. There are different definitions of the mentioned term. The basis of the viewpoint of the authors is the so-called grid of reference — tree morphology, due to which the global image of the world is reduced to a specific cognizable object. With the crown of the tree correspond birds, for example, the mythical bird Sirin. Creature with the head of a girl and the body of a bird, which connected the human’s world with the world of the gods. World tree is often represented by the invariants, since it is a kind of ideal objects.

Key words: imagine, concept, linguistic picture of the world, the world tree, invariant, cognitive features

REFERENCES

- [1] Alefirenko N.F. Kartina mira i etnokulturnaja specifika slova [Picture of the world and ethnocultural specificity of speech]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2009, no. 4, vol. 14.
- [2] Afanasiev A.N. *Slavjanskaja mifologija* [Slavic mythology]. Moskow: Eksmo; SPb.: Midgard, 2008.
- [3] Belyakova G.S. *Slavjanskaja mifologija* [Slavic mythology]: Kn. dlja uchashhihsja. Moskow: Education, 1995.
- [4] Gasparov B.M. *Jazyk, pamjat, obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics linguistic existence]. Moskow: “New literary review”, 1996.
- [5] Gerasimenko I.A. Sredstva verbalizacii cvetovoj kartiny mira (na materiale proizvedenija M. Bulgakova «Belaja gvardija») [The means of verbalization of the color picture of the world (on the material of works of M. Bulgakov “the White guard”)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Russkij i inostrannye jazyki metodika prepodavaniya*. 2015, no. 2, pp. 30–36.
- [6] Goncharova N.N. Jazykovaja kartina mira kak objekt lingvisticheskogo opisanija [Language picture of the world as an object of linguistic description]. *Izvestija Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2012, vol. 2.
- [7] Grushko E.A., Medvedev Yu.M. *Russkie legendy i predanija* [Russian legends]. Moskow: Publishing house Eksmo, 2004.

- [8] Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works: in 7 vol; Vol. 2. Poems (small poem)]. Moscow: “Nauka” — “The Voice”, 1997.
- [9] Klyuev N.A. *Sochinenija* [Compositions [In 2 volumes] Vol. 1]. Moscow: A. Neimanis, 1969. 212 p. URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
- [10] Klyuev N.A. *Sochinenija* [Compositions [In 2 volumes] Vol. 2]. Moscow: A. Neimanis, 1969. 479 p. URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/2.html>
- [11] Kolesov V.V. *Konceptologija: uchebnoe posobie* [Conceptology: the manual]. Kemerovo state University. Kemerovo, 2012.
- [12] Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivjom* [Metaphors We live by]: Per. s angl. / Pod red i s predislovijem A.N. Baranova. Moscow: URSS, 2004.
- [13] *Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Gl. red. V.N. Jarceva. Moscow: USSR’ Encyclopedia, 1990.
- [14] Manayenko G.N. Sobytie — fakt — ocenka [Event — fact — evaluation]. *Jazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyj almanah Stavropolskogo otdelenija RALK*. Pod red. prof. G.N. Manaenko. Stavropol: Publishing house of NCFU, 2014, vol. 12, part 1.
- [15] Maslova V.A. *Kognitivnaja lingvistika: Uchebnoe posobie* [Cognitive linguistics: a manual]. Minsk: Tetrasystems, 2004.
- [16] *Mify narodov mira: jenciklopedija* [Myths of the world: an encyclopedia [2 volumes]. Gl. red. S.A. Tokarev. Moscow: USSR’ encyclopedia, 1992, vol. 1.
- [17] Pustovalov V.I. *Kartina mira v zhiznedejatelnosti čeloveka* [The picture of the world in human life]. *Rol čelovečeskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira*. Moscow: Nauka, 1988.
- [18] Rybakov B.A. *Jazyčestvo drevnih slavjan* [The Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Nauka, 1994. 608 p.
- [19] Serebrennikov B.A. *Jazyk otrazhaet dejstvitelnost ili vyražhaet ejo znakovym sposobom?* [Language reflects reality or expresses her iconic way?]. *Rol čelovečeskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira* [The role of human factor in language: language and picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988.
- [20] *Slavjanskije drevnosti: jetnolingvističeskij slovar (v 5 t.)* [Slavic antiquities: ethno-linguistic dictionary]. Pod red. N.I. Tolstogo. Moscow: International relations, 1995, vol. 3. 689 p. (RAN, Institut slavjanovedenija i balkanistiki).
- [21] *Slovar slavjanskij mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Avt.-sost. V.V. Adamchik. Minsk: Modern writer, 2008.